ИНТЕНЦИЯ СОЗНАНИЯ И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ ЛИЧНОСТИ

УДК 124.5

А.Н. ЛУКИН

Человечество вступило в новое тысячелетие, создав бастионы технического совершенства. Провозглашается наступление постиндустриальной эры, информационного общества, некой новой социальной реальности. Уже не кажется мифом освоение ближайшего космоса, реальной становится человеческая экспансия на Луну и Марс, адронный коллайдер помогает нам смоделировать и понять рождение Вселенной в результате Большого взрыва, обыденными становятся чудеса генной инженерии, кажется нет предела возможностям человеческого разума. Но в то же время налицо дефицит нравственности в политике, нарастание межэтнических и межконфессиональных противоречий, цинизм, жестокость и насилие, мало в чем уступающие прошедшим векам. Кроме того, угроза экзистенциального вакуума становится платой современного человека за чрезмерный гедонизм, утилитаризм и прагматизм жизни. Постепенно ослабевает духовное напряжение человеческого бытия. Но именно духовность все еще воспринимается как атрибут человечности. Человек бездуховный – это лишь фантом человека.

Интуитивно мы признаем духовность как средоточие человеческой самости. В философии персонализма и экзистенциализма, в частности в трудах Н. Бердяева, М. Хайдеггера, К. Ясперса, А. Камю, Ж.-П. Сартра и др., убедительно обосновывается уникальность и многогранность духовного пласта человеческой жизни при разворачивании экзистенции (как неповторимого индивидуального духовного бытия), в отличие от телесного существования, которое отражает природную зависимость человеческого бытия, его несвободу, подчиненность материальному миру и обреченность перед лицом неизбежности эсхатологического финала. При этом немало людей нашего времени живут как раз преимущественно в соответствии с телесными влечениями. На эту сторону человеческого естества направлено большинство предложений сферы услуг, шоу-индустрии, развлекательной литературы и т.д. Многие мыслители, среди которых Х. Ортега-и-Гассет, Й. Хёйзинга, Э. Фромм, увидели серьезную угрозу социуму в утрате человеком массы глубоких духовных ориентиров, в гипертрофированной ориентации на телесность.

В чем же уязвимость современного цивилизованного человека как потенциального носителя духовности? Ведь наше время, казалось бы, напротив, открывает больше возможностей для получения образования, приобщения к произведениям искусства, обмена информацией. Постиндустриальное общество высвобождает для этого много времени, которым каждый волен распоряжаться самостоятельно. Очевидно, что ответ следует искать в аксиологической плоскости. Культуру можно представить как существующую иерархию смыслов, ценностей и норм. Важно понять как происходит инкультурация индивида, присвоение им определенной системы ценностей, прежде всего глубинных смыслов, составляющих в дальнейшем суть духовности человека, определяющих его экзистенцию.

Нам представляется, что большим эвристическим потенциалом обладает известное философское представление об интенции человеческого сознания, т.е его особой избирательности, направленности, устремленности на определенный объект. Этому уделено значительное внимание в самых разных философских традициях от христианского богословия до феноменологии Э. Гуссерля. При этом понятие «интенция» применяется как правило для характеристики направленности сознания на некую идеальную сущность. Так, феноменологический анализ, например, вникает в состояние стыда, святости, добра не с точки зрения их проявления у конкретных носителей, а с точки зрения их сущности. Часто в таком случае происходит гипостазирование – наделение самостоятельным бытием какой-либо ценности, отвлеченного понятия, свойства, идеи. Гипостазирование изменяет восприятие концепта. В новом статусе он способен выступать как ценностный ориентир, на него направлена интенция сознания субъекта, он способен перестроить систему ценностей самого человека, не только добавляя в нее новые элементы, но, прежде всего, изменяя иерархию смыслов, ценностей и норм.

В принципе культура не может существовать без гипостазирования. Различные культурные типы различаются лишь его масштабом. В мифологическом сознании гипостазирование носит тотальный характер. Онтологизируется все – природные стихии, качества человека и т.д.

В виртуальных мирах тоже все-все имеет право на существование и равно переживается как действительное, так и чистый вымысел.

Но даже в современной науке описываются объекты, которые отсутствуют в реальности. Например, «идеальный газ», «идеальная жидкость». При разработке научных гипотез теоретики также часто используют гипостазирование. Вымышленные объекты могут десятки лет использоваться учеными для объяснения и прогнозирования природных явлений и процессов. Так, последние научные открытия все более убеждают ученых в том, что пространство и время не самостоятельные сущности, а лишь атрибуты конкретных систем, формы координации их элементов, а культура формирует свое собственное пространство и время [См. 3]. А ведь сотни лет до этого не подвергалась сомнению субстанциональная концепция пространства и времени, которая не только не помешала, но даже способствовала развитию некоторых областей науки, например, механики.

Философия, будучи особой формой мировоззрения, постоянно прибегает к гипостазированию. В качестве примера можно привести «мир эйдосов» Платона, в котором идеи «Добра», «Гармонии», «Истины», «Любви» приобретают самостоятельный онтологический статус. Греческий мыслитель обосновывал необходимость ориентироваться в жизни не на временное и преходящее, а на эти вечные и неизменные сущности. Бессмертная душа причастна миру идей и должна быть к ним устремлена. Принимая такую философскую установку, последователь Платона выстраивает свою внутреннюю систему ценностей. Интенция сознания на некий духовный эталон проявляет себя как средство формирования духовного мира индивида.

Понятие «интенциональность» (свойство человеческого сознания быть направленным на некий объект) широко вошло в научный оборот после опубликования основных трудов Э. Гуссерля. Оно является базовым в феноменологической философской традиции. Однако термин «интенция» (от лат. intention – стремление) использовался уже в религиозной философии Средневековья. Как отмечается в философском энциклопедическом словаре, вышедшем под редакцией профессора А.А. Ивина, «в Средние века он использовался для перевода греческого слова «tonos» (напряжение) – термина философии стоиков, характеризующего активную и упорядоченную функцию пневмы» [4, с. 1072].

А. Августин использует понятие «интенция» в значении направленности человеческой воли на цель. Только интенция на Бога, по мнению этого мыслителя, способна оказать исключительно положительное влияние на сознание личности, наполнить жизнь подлинным смыслом, оказать благотворное влияние на человеческую судьбу. Этот термин до сих пор широко используется католиками, у которых он означает то, на что направлено сознание священника и верующих в момент молитвы. Без интенции сознания вместо мистического общения с Богом будет иметь место простое механическое произнесение слов.

В иудаизме вместо католического понятия «интенция» часто используется термин «кавана» – направленность сердца, сосредоточенность внимания, вкладывание души в то, что ты делаешь. Без каваны молитва мертва и не имеет особого смысла. В исламе аналогом категории «интенция» называют понятие «ният».

На мой взгляд, важно отметить тот факт, что в средневековой, современной католической, исламской и иудейской трактовке интенция предполагает волевое усилие человека, направленное на организацию, конструирование своего субъективного бытия. Без такого усилия человек останется прилепленным к миру повседневности, ему не откроются новые духовные горизонты.

Дифференцируя интенциональные объекты, можно провести простейшую классификацию интенции. Следует различать интенцию сознания на предельные основания бытия и на объекты обыденной жизни. Если первая формирует вектор устремлений на всю жизнь, то последняя имеет лишь локальное влияние в конкретной жизненной ситуации либо в цепочке событий, ограниченных во времени. Если человек не соотносит свою жизнь с предельными основаниями бытия, то про него можно сказать, что он не имеет твердого жизненного стержня и подобен флюгеру. Он подчиняется обстоятельствам, а не подчиняет обстоятельства себе.

Даже в материалистической традиции, пусть не в строго философских текстах, а в идеологическом контексте, «Свобода»,

«Равенство», «Идеалы коммунизма» и т.д. ставятся выше отдельной человеческой жизни, приобретают вневременную ценность, статус, превышающий статус отдельного человека или даже социальной группы. Интенция сознания на такой объект выводит индивида за пределы собственного «Я», подчиняя определенной ценностной субординации, задавая некую духовную глубину жизни. Идеология заменяет человеку религию.

Конечно, интенция сознания может быть направлена и преимущественно на свои телесные потребности. Тогда разум превращается лишь в инструмент удовлетворения таких влечений. Но при этом исчезает духовная глубина. «Человек духовный» уступает место «человеку-обывателю», а при гипертрофированном возвеличивании собственного «Я» вполне может появиться асоциальная личность.

Наиболее глубоко понятие «интенция» разработано в религиозной традиции, где под ней понимается духовная устремленность творящего молитву к Богу. При этом меняется сам субъект. У русского религиозного философа С. Булгакова используется понятие «ипостасирование», которое обозначает у него процесс духовного перерождения верующего человека во время молитвенного общения с Богом, когда он приобретает некие качества идеала, становится добрее, способным к состраданию, бескорыстной любви и т.д. [2, с. 318]. Личность до определенной степени «обожествляется», насыщается качествами того, к кому возносится молитва. Конечно, эти качества в человеке представлены не в той абсолютной степени, что у идеала, но постоянная интенция сознания на духовный предел способствует приближению к идеалу. В религиозной традиции такое изменение сознания субъекта объясняется не только его собственными усилиями, но и откликом, встречным воздействием трансцендентного объекта. Личность человека принимает в себя божественную сущность.

На наш взгляд, каждый человек, независимо от мировоззренческой парадигмы, может согласиться с тем, что на формирование человеческой духовности влияет интенсивность интенции сознания на объекты, воспринимаемые в качестве идеала, качество подобных объектов и онтологический статус, приписываемый индивидом этим объектам. При этом по поводу объективности бытия объекта можно вести бесконечные споры. Так как самостоятельное существование некоторых из них (Бога, всеобщей целесообразности и т.д.) невозможно ни верифицировать, ни фальсифицировать. Это, по И. Канту, не является предметом науки, но есть элементы веры, без которой, при ее расширенном толковании, ни один человек не обходится.

Онтологический статус объекта интенции человеческого сознания представляется весьма важным. В нынешнем «расколдованном мире» (М. Вебер) среднестатистическому человеку трудно осуществить интенцию сознания на духовный предел культуры, некий абсолютный, почти недостижимый, но притягивающий к себе идеал. После «переоценки всех ценностей» (Ф. Ницше) в общественном сознании все подвергается сомнению, критическому переосмыслению, в жизни человека массы почти не остается места сакральному, непререкаемому, выводящему индивида на новые горизонты бытия. Отсюда нарастание пессимизма, рост суицидальных случаев, наркомании и алкоголизма, коррупции. Это уже не может рассматриваться лишь как личная проблема отдельных индивидов, не сумевших грамотно распорядиться собственной свободой. Да и подлинной свободой обладает лишь развитая личность, адекватно оценивающая все возможные последствия того или иного выбора. Цинично разглагольствовать о свободе индивида, не получившего еще должного духовного развития, не представляющего возможности иных сценариев личного бытия.

На наш взгляд, в условиях появления экзистенциального вакуума, для того, чтобы хоть как-то снизить проявление его негативных последствий, следует пересмотреть преподавание в образовательных учреждениях литературы, истории, культурологии и, прежде всего, философии. Нужно сделать акцент на их мировоззренческих возможностях. Простое добавление количества времени, выделяемого на эти предметы, мало что изменит. Требуется использовать содержание дисциплин для того, чтобы показать обучаемым возможные сценарии их жизни в зависимости от выбранной системы ценностей, обеспечить интенцию сознания на такие объекты, которые обеспечат глубину жизни. Видимо, в том числе и для этой цели в школе вводится преподавание по выбору учащихся основ православной культуры, основ духовно-нравственной

культуры народов России и т.д. Следует только выстроить методику преподавания этих дисциплин так, чтобы, с одной стороны, избежать догматизации, но и не скатиться к простой передаче суммы знаний. Учащийся может блестяще справиться с очередным тестированием, но при этом никакой интенции его сознания на духовный идеал, мировоззренческого напряжения может и не происходить. Вообще, представляется опасным излишнее увлечение тестированием при преподавании гуманитарных дисциплин, так как выхолащивается их мировоззренческая составляющая. Не может беспристрастный компьютер заменить духовное пиршество, организованное учителем, способным открыть ученикам новые горизонты реальности.

Конечно, нужны и учебники нового типа. Хорошим примером может служить учебное пособие «Основы философии» С.В. Борисова, рекомендованное Министерством образования и науки РФ для всех специальностей и направлений подготовки. Автор не просто излагает философские истины, но вовлекает учащегося в диалог с великими мыслителями прошлого по важнейшим мировоззренческим проблемам, помогает им сделать вывод о том, что «если для жизни как таковой философия есть излишество, то для подлинной жизни она как нельзя более необходима» [1, с. 15]. Такое учебное пособие может помочь преподавателю создать у обучаемых мировоззренческое напряжение, интенцию сознания на значимые духовные идеалы, перейти от простого существования к формированию в себе духовной сущности.

Особую роль в формировании мировоззрения человека, особенно в детском и юношеском возрасте, всегда играло искусство, способное осуществить «катарсис» (Аристотель) человеческой души при условии высокой художественности и нравственной направленности. Произведение искусства широко использует гипостазирование, благодаря которому интенция сознания зрителя или читателя направлена на объект, наделенный полнотой положительных качеств. Мы, сопереживая любимым героям, отождествляем себя в некоторой степени с ними, переносим их сущностные качества на себя, тем самым производя внутри себя изменения. Трудно переоценить эмоциональный, жизненный, духовный опыт, получаемый молодым человеком, которого до глубины души потрясло произведение искусства. Конечно, общество должно еще помочь понять литературных героев, «правильно настроиться на нужную волну», открыть свою душу навстречу духовному потоку. Увы, многие современники не способны воспринимать классическую литературу, музыку, живопись только по той причине, что их не научили анализировать средства выразительности, композицию, сюжет, замысел, идею произведения.

Правильно выстроенная гуманитарная составляющая образования в сочетании с воспитательными возможностями лучших произведений искусства способны сформировать достойные идеалы и способствовать интенции сознания членов нашего социума на эти объекты. Это будет способствовать нарастанию глубины духовной жизни человека, снижая риск нарастания экзистенциального вакуума.

1. Борисов, С.В. Основы философии [Текст] / С.В. Борисов. М.: Флинта: Наука, 2010. 424 с.
2. Булгаков С.Н. Первообраз и образ: Сочинения в 2-х т. [Текст] / С.Н Булгаков. М.; СПб.: Искусство: Инапресс, 1999. Т. 2.
3. Лукин, А.Н. Хронотоп культуры [Текст] / А.Н. Лукин // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009. № 4 (20). С. 38–45.
4. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. [Текст]. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.